

УДК 81-112

ФУНКЦИИ РОЗЫСКНЫХ ДЕЛОВЫХ БУМАГ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

К.Р. Ваганова

В данной статье рассматриваются основные функции региональных розыскных деловых бумаг в первой половине XIX века. В результате анализа документов был репрезентирован следующий набор интенций памятников письменности – обязательная императивность, относительная императивность, параметризация. Также была выявлена прямая пропорциональная зависимость от жанровой организации: первая функция – указы, вторая функция – письма-представления, последняя функция – статейные списки. Материалом исследования послужили архивные документы первой половины XIX века из фондов Государственного архива Тюменской области. Статья вносит вклад в развитие исторической стилистики.

Ключевые слова и фразы: розыскной деловой язык; документ; функциональная направленность; лингвоисточниковедческий анализ; XIX век.

FUNCTIONS OF THE INVESTIGATIVE BUSINESS SECURITIES IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: ON THE MATERIAL OF ARCHIVES DOCUMENTS

K.R. Vaganova

This article discusses the basic functions of the regional investigative securities business of the first half of the XIX century. As a result of the analysis of documents the next set of intentions of written monuments was represented – mandatory imperative, relative imperative, parameterization. Direct proportional connection with genre organization is shown: the first function – decrees, the second function – representation letter, the last function – lists of clauses. Archives documents of the first half of the XIX century from the National Archives of Tyumen region were served as the research material. The article contributes to the development of historical stylistics.

Keywords and phrases: investigative language of business; document; functional orientation; linguistic origin analysis; XIX century.

Розыскной документооборот в первой половине XIX века представлял сложную иерархическую систему деловых бумаг различной смысловой направленности, которые пересылались между организациями «сверху-вниз» и «снизу-вверх» в пределах одной региональной зоны. Зависимость от экстралингвистического контекста в данный исторический период оказывалась максимально эксплицированной: памятники письменности отражают различные реалии окружающей действительности, связанные с организацией официальных мероприятий по поиску беглых ссыльных каторжников, государственных преступников, солдат, «неизвестно куда отлучившихся». Решение таких вопросов требовало незамедлительных действий, приказаний и распоряжений. Вследствие

этого розыскной документооборот уже к началу XIX столетия значительно расширяет свои функциональные возможности.

Несмотря на наличие общих зон тематической интерференции лингвоисточниковедческий анализ региональных памятников деловой письменности репрезентировал набор нескольких интенций розыскных деловых бумаг. Функциональная направленность данной группы источников (указы, статейные списки и предписания) была эксплицирована тремя основными созначениями, позволяющими проследить принципы разложения общего смыслового центра деловых документов – «поиск какого-либо лица». Связанность контекстов в рамках одного типа деловых бумаг и сфокусированность семантических признаков при экспликации общей структуры жанра определила возможность функционально-стилистического рассмотрения распорядительных и отчётно-исполнительных документов. Обращение к ним было обусловлено многомерностью репрезентации информации по той или иной антинормативной ситуации.

Представим основные функции розыскных деловых бумаг, созданных в региональных канцеляриях Западной и Восточной Сибири в первую половину XIX века. Безусловно, общность правил семантизации определила репрезентацию анализируемых источников в аспекте единого смыслового пространства. Нацеленность на успешность портретирования описываемых объектов, формирование розыскных наставлений/распоряжений/приказов и, наконец, разрешение антинормативных ситуаций были присущи разным типам розыскных деловых бумаг. Но каждому из них была свойственна своя интенциональная направленность.

1. Функция обязательной императивности

Настоящая функция розыскных деловых бумаг оказалась представлена непосредственно в **распорядительных указах**. Основанием для их создания служил определённый инициативный документ (*записка, объявление, рапорт*), который создавался нижестоящей организацией и направлялся в вышестоящую контору. В таких пратекстах эксплицировался важный с точки зрения прагматикализации перечень розыскной информации, который порождал официальные мероприятия по поиску того или иного лица. В силу этого происходило расширение зоны масштабирования антинормативной ситуации, что свидетельствовало о возможности перераспределения розысков между близлежащими территориями.

В делопроизводстве первой половины XIX века Западной и Восточной Сибири активно функционировали именные указы органов высшей власти (например, *указы ея*

императорского величества Тюменской воеводской канцелярии, указы из Тобольского губернского правления) и указы-просьбы, идущие от частных лиц или нижестоящих учреждений (например, указы *исъ канцелярии заводовъ правления Нерчинскому горному начальству*). Первым был присущ обобщённый характер экспликации розыскной информации, что определило многомерную ситуацию поиска, репрезентацию основных прагматических интенций адресат(а)ов/адресант(а)ов. В свою очередь, указы-просьбы не предполагали моделирования ситуаций *розыска*, поэтому их системно-структурная организация не будет рассмотрена в настоящей работе.

Обращение к данному типу деловых бумаг оказывается интересно ещё и с позиций парадигматического изучения памятников письменности, относящихся к разным временным эпохам. О неоднозначности праворегулирующего статуса указов, изданных верховной властью ещё до XIX века, говорит С.А. Глотова: «Верховная власть использовала этот вид документа как для фиксации каких-либо новых правовых норм или правил, так и для фиксации частных распоряжений по отдельным случаям, во-вторых, указы издавались абсолютно на всех уровнях власти и всегда от имени Императора. В XIX веке статус указов, изданных верховной властью, закрепляется в нормативных документах» [Глотова 2011: 178–179]. Таким образом, функциональная предзаданность деловых бумаг в первой половине XIX века была репрезентирована параметрами системного регулирования смыслового пространства со стороны официальных органов власти.

Заметим, что региональные указы как форма обязательной трансляции розыскного/-ых сообщения/-й (их число могло быть эксплицировано в числовых пропорциях от 1 до 20) были ориентированы на моделирование следующей системы поиска. Важно было определить ситуацию розыска того или иного лица, описав его антинормативное поведение. Лингвистическим маркером экспликации жанровой интенции оказывался предикат, определяющий возможные формы активности адресанта: *требуется по доношению о сыску, просить учинить изыскание, требуется, учинить поиски* [ГАТО, Ф.И-3, О.1, Д.376, Л. 3, 9, 23, 28, 31]. Выбор того или иного параметра императивности всякий раз был контекстуально обусловлен: так, например, синтаксическая конструкция «*требуется по доношению о сыску*» эксплицировалась в том случае, когда система обращений одной организации в другую была трёхчленной. То есть инициатор сообщения оказывался только розыскным посредником в системе официальных мероприятий поиска. Словосочетание «*просить учинить изыскание*» было частотным, но характеризовалось стилистической неоднородностью: отглагольное

существительное *изысканіе* функционировало в системе делового языка первой половины XIX века с пометой «высокое, книжное».

Таким образом, функция обязательной императивности предполагала однозначную текстовую вербализацию. Расширение смыслового потенциала документа осуществлялось только в ситуации существования значительного числа пратекстов (*записки, объявления, рапорты*), которые требовали незамедлительного рассмотрения и соответствующего решения.

2. Функция относительной императивности

Следующая функция розыскных деловых бумаг – относительная императивность – была связана причинно-следственными отношениями с первой интенцией, которая была рассмотрена выше. В качестве формы текстовой экспликации могут быть рассмотрены **представления**, стилистическая особенность которых заключалась в одновременности репрезентации распорядительных и исполнительных значений. Но их соотношение оказывалось неравномерным в памятниках региональной деловой письменности в первую половину XIX века. Поскольку предписания выступали, в первую очередь, формой оформления определённого распоряжения, значения *исполнительности* располагались на периферии семантической основы документов.

Итак, лингвоисточниковедческий анализ позволил прийти к выводу, что письма-предписания в данную историческую эпоху иллюстрируют только один тип деловой коммуникации: по вертикали – «сверху-вниз». Чаще всего инициатива о создании новой деловой бумаги исходила от управляющего лица в силу ухудшения общественной обстановки в городе: «*До свѣденія Моего начали доходить разныя произшествія въ городѣ Тобольскѣ, большею частію неизвѣстно отъ кого случавшіеся*» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 120, Л. 26].

Основная жанровая интенция оказалась репрезентирована только в третьей клаузуле, центральной с точки зрения семантической насыщенности розыскной информацией. Это был наиболее прагматикализированный элемент текста предписания, поскольку в нём эксплицировалась основная система правил по решению возникшей антинормативной ситуации. Число предикатов (а именно они выполняли роль лингвистических маркеров функционализации документов) варьировалось в числовых пропорциях от одного до восьми, причём их расположение в деловом тексте всегда представлено в дедуктивной системе стилистических координат. Перечислим только некоторые из них, наиболее частотные в письмах-предписаниях первой половины XIX века.

2.1. 'Информативный императив': «Увѣдомить производимые по городу данные и ночные разъѣзды съ Полицейскими Чиновниками Городовыхъ Козаковъ, командируемыхъ отъ обоихъ полковъ Русскаго и Татарскаго, Атаманамъ сихъ полковъ» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 120, Л. 26]. С помощью предиката, расположенного в препозиции по отношению к иной части данного распоряжения, вербализовывался минимальный набор розыскных знаний. Локализация получателей, основных участников всего коммуникативного процесса, таких розыскных сообщений в тексте также определялась уровнем их исполняемых функций.

2.2. 'Структурирующий императив': «Раздѣляя всѣхъ командируемыхъ для сего въ Управу козаковъ на четыре отряда, причислатъ къ онымъ по одному жандарму, а всѣ оныя поручать въ Управление одного, или смотря по надобности двухъ Полицейскихъ чиновниковъ, долженствующихъ разъѣзжать съ ними же» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 120, Л. 26]. Стилистическая особенность таких предикативных ситуаций характеризуется коммуникативным сжатием нескольких интенций в одно сложное синтаксическое целое. Мы наблюдаем определённую слитность нескольких предложно-падежных и обособленных конструкций, функционирующих в пространстве делового текста в качестве единого комплекса. Наличие деепричастных оборотов свидетельствует о некоторой диффузности розыскного делового языка в ситуации взаимодействия с русским литературным языком первой половины XIX века. Обе стилистические системы структурировали свой лингвистический потенциал, выработав основные формулы для экспликации тех или иных значений. Но их непосредственное взаимодействие на морфолого-синтаксическом уровне, безусловно, говорит о возможности повторяемости определённых оборотов: так, например, определительные местоимения *сей, оный* в постпозиции по отношению к главной части начали функционировать уже в начале XIX века как признак высокого стиля. С другой стороны, каузативные словосочетания с производными предлогами (*смотря, по надобности*), будучи строго прикреплёнными к языковой системе делового языка, получают распространение и в художественных текстах.

2.3. 'Функциональный императив': «Назначивъ каждому отряду часть города, поставитъ имъ въ строгую обязанность, чтобы они, разъѣзжая безпрестанно всякій по своей части, строго наблюдали за благочиніемъ и безопасностію города и жителей онаго, прекращая при томъ происходящіе отъ беспокойныхъ людей шумъ, драки и насильство, виновныхъ представлять въ Управу, преслѣдовать и схватывать подозрительныхъ людей, и словомъ: соблюдать все, къ сохраненію тишины и спокойствія относящееся, подѣ

описаниємъ за упущеніе, а тѣмъ болѣе, послабленіе строгаго по законамъ наказанія» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 120, Л. 26].

Особенность синтаксической организации тех или иных трафаретных формул заключалась в неразрывности нескольких текстовых элементов и предложно-падежном «плетении словес». В отличие от древнерусского стиля оформления текста в деловых источниках первой половины XIX века наблюдалось расширение пространственного континуума предложения в связи с повторением предикативных словосочетаний императивного типа (*поставить въ обязанность, преслѣдовать и схватывать подозрительныхъ людей, соблюдать все*) и/или деепричастных оборотов (*прекращая шумъ, драки и насильство, разъѣзжая безпрестанно всякій по своей части*).

2.4. 'Распорядительный императив' был наиболее частотным в текстах предписаний первой половины XIX века:

– *«Переписать непременно нынѣ же снова въхѣ находящиеся здѣсь ссыльныхъ въ цѣхѣ слугъ у разныхъ лицъ»* [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 120, Л. 26]. Действие репрезентирует необходимость строгой фиксации информации о тех или иных лицах, поведение которых может быть проинтерпретировано как антинормативное. Такой подход к параметризации данных свидетельствовал о важной многомерной статистической работе, позволяющей отслеживать передвижение ссыльных/каторжников/беглых ссыльных.

– *«Естьли которые изъ сихъ ссыльныхъ имѣютъ необходимость быть въ городѣ по уважительнымъ причинамъ, тѣ не иначе должны входить въ оный, какъ по увольненіямъ мѣстнаго волостнаго и земскаго Начальства, на срочное время, и по предѣявленіи письменныхъ видовъ въ Общей Полицейской Управы, въ таковыя только случаѣ пробывать въ городѣ назначенное въ увольненіи время»* [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 120, Л. 26]. Действие фиксировало следующую информацию: в город можно было попасть только при наличии определённых удостоверительных документов.

Синтаксическое расширение контекста распоряжения говорит о широких возможностях стилистической платформы розыскного делового языка в первую половину XIX века. Таким образом, функция относительной императивности не соотносилась с обязательной организацией официальных мероприятий по поиску того или иного лица. Важно было репрезентировать антинормативную ситуацию, вербализовать несколько интенций адресанта в рамках описанного контекста.

3. Функция параметризации

Модель параметризации была репрезентирована в следующем типе розыскных документов первой половины XIX века – статейных списках. Настоящий жанр розыскной деловой коммуникации предполагал заполнение определённой информацией о ссыльных характеризующих «лакун»: речь идёт о вербализации «карты» на государственного преступника/ссыльного/беглого ссыльного/каторжанина. Подобный документ обычно составлялся в Сибирском приказе в двух экземплярах: один из них продолжал храниться в Приказе, другой передавался при поступлении самого ссыльного в место его назначения.

Как отмечает О.В. Трофимова, «лексико-грамматическая структура текста “родилась” в стенах комендантской канцелярии» [Трофимова 2004: 101]. К таковым могут быть отнесены Московский судный приказ и Приказ сыскных дел, которые через распорядительные документы представляли общий шаблон портретирования беглых ссыльнокаторжных. Описание по «статьям» в деловых бумагах имело классифицирующий характер, было достаточно формализовано и, в конце концов, к середине XIX века привело к минимизации языкового разнообразия в анализируемых нами деловых текстах.

Проанализировав в лингвоисточниковедческом и лингвостилистическом аспектах статейные списки первой половины XIX века, мы пришли к следующему выводу: данные документы иллюстрируют явление номинативной шаблонизации оформления всего процесса регионального розыскного документооборота. Как следствие – формализация некоторых параметров портретирования и оформление их в виде описательных конструкций вопросно-ответного характера. Основные («портретные» и «функциональные») и дополнительные признаки теперь были строго пронумерованы:

1. *Имя, прозваніе.*
2. *Изъ какого званія.*
3. *Лѣтъ.*
4. *Примѣты.*
5. *Гдѣ судился.*
6. *Родъ приговора и наказанія*
7. *Чемъ при правленіи снабжень.*
8. *Какого вероисповеданія.*
9. *Семейство преступника [ГАОО, Ф.14. Оп. 1, Д.56, Л.20-29].*

Во втором ответно-описательном блоке статейных списков первой половины XIX века располагался функциональный словесный портрет беглых ссыльнокаторжных, представлявший развёрнутое описание, составленное по обозначенной ранее модели портретирования:

1. *Иванъ Моколовъ.*

2. *Роста 2 арш., 4 верш., лицемъ смугль, волосы на головѣ, усахъ русые, бороду бреетъ, глаза каріе, направомъ боку напоясницѣ бородавка въ голубѣ яйцо, имеетъ грыжу.*

3. 35.

4. *Изъ бродягъ.*

5. *Въ Тобольскомъ Губернскомъ Судѣ.*

6. *По приговору Тобольскаго Губернскаго Суда за бродяжничество наказанъ при полиции черезъ служителя оной плетью двадцатью ударами и вывезенъ къ ссылкѣ далѣе Въ Сибирь на поименіе.*

7. *Снабженъ при отправлении Въ Омскъ казенною нужною одеждою.*

8. *Вѣры Грѣкороссійской.*

9. *Не имѣетъ* [ГАОО, Ф.14. Оп. 1, Д.56, Л. 29]

Заметим, что в статейных списках первой половины XIX века оказались эксплицированы три жанрово-прагматических центра: «пропал/бежал» государственный преступник/ссылный/каторжанин (данные интенции репрезентированы в системе начальных реквизитов); определение методики словесного портретирования беглых ссыльнокаторжных (данный коммуникативный центр получал языковое воплощение в перечне «правил» описания объекта портретирования, при этом коммуникативные интенции носили скорее однонаправленный характер, предполагая ответную реакцию уже в следующем участке текста); собственно функциональный словесный портрет беглых ссыльнокаторжных как актуализация коммуникативных интенций данной модели описания.

Проанализировав разные памятники региональной деловой письменности первой половины XIX века, мы определили перечень основных функций розыскных деловых бумаг в данный исторический период: обязательная императивность, относительная императивность и параметризация. Контекстуальная обусловленность была присуща каждой

из данных интенций, что свидетельствует о сформированности стилистического шаблона подобных источников.

Источники

Списокъ съ предписанія, отъ 6 сентября 1827-го года Н 3884 // Государственный архив Тюменской области. – Фонд И3, О. 1, Д. 120., Л. 26.

Списокъ съ предписанія, отъ 8 сентября 1827-го года Н 3884 // Государственный архив Тюменской области. – Фонд И3, О. 1, Д. 121., Л. 26.

Статейные списки, составленные въ Омской Градской Полициі // Государственный архив Тюменской области. – Фонд 14, О. 1, Д. 56., Л.20-104.

Указы Его Императорскаго Величества за 1800 год // Государственный архив Тюменской области. – Фонд И-3, О.1, Д.376, Л. 3, 9, 23, 28, 31.

Указы Его Императорскаго Величества за ноябрь 1823 года // Государственный архив Тюменской области. – Фонд И-3, О.1, Д.1016, Л. 2, 3, 5, 46.

Список литературы

Глотова С.А. Возникновение и развитие распорядительной документации в России в XVI – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2011. 320 с.

Трофимова О.В. Тюменская деловая письменность 1762–1796 гг. в контексте этнолингвистической ситуации региона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Воронеж, 2004. № 2. С. 96–105.

Sources

Spisok s predpisanija ot 6 sentabra 1827 goda [List from Order of September 6, 1827 – N year 3884]. State Archives of the Tyumen region. – Fund I3, O. 1, D. 120, L. 26.

Spisok s predpisanija ot 8 sentabra 1827 goda [List from Order of September 8, 1827 – N year 3884]. State Archives of the Tyumen region. – Fund I3, O. 1, D. 121, L. 26.

Stateynye spiski, sostavlennye v Omskoi Gradskoi Policii [List of clauses made in Omsk city police]. State Archives of the Tyumen region. – Fund 14, O. 1, D. 56, L.20-104.

Ukazy Ego Imperatorskogo Velicestva za 1800 god [His Imperial Majesty decrees during 1800]. State Archives of the Tyumen region. – Fund I-3, O.1 , D.376, L. 3, 9, 23, 28, 31.

Ukazy Ego Imperatorskogo Velicestva za nojabr 1823 goda [His Imperial Majesty decrees during November 1823]. State Archives of the Tyumen region. – Fund I-3, O.1 , D.1016, L. 2, 3 , 5, 46.

References

Glotova S.A. Vozniknovenie i razvitie rasporyaditel'noj dokumentacii v Rossii v XVI – nachale XX veka: dis. ... cand. hist. sciences [The emergence and development of administrative documentation in Russia in XVI – early XX centuries: PhD thesis]. Moscow, 2011. 320 p.

Trofimova O.V. Tyumenskaja delovaja pis'mennost' 1762–1796 gg. v kontekste ehthnolingvističeskoj situacii regiona [Tyumen business writing from 1762 till 1796 in the context of ethno-linguistic situation in the region]. *Vestnik Voronezskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Gumanitarnye nauki*. Voronezh, 2004. Number 2. Pp. 96–105.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ваганова Ксения Ринатовна, кандидат филологических наук, докторант кафедры истории русского языка и общего языкознания

Московский государственный областной университет

Россия, 105005, Москва, ул. Радио, 10а

E-mail: yaganova1988@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vaganova Ksenia Rinatovna, Candidate of Philology, Candidate for a doctor's degree at the Department of History of Russian Language and General Linguistics

Moscow State Regional University

10a Radio, Moscow 105005 Russia

E-mail: yaganova1988@mail.ru